

Лукина А.А. (Санкт-Петербург)

Диглоссия и проблемы новогреческой фонологии.

1. Введение.

Описывая систему фонем любого языка, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой выбора материала и теоретического подхода, в рамках которого будет выделен инвентарь фонем данного языка. Различные фонологические школы по-разному трактуют понятие фонемы и принципы выделения инвентаря фонем в языке. Кроме того, возникает вопрос, на основе чего должно строиться описание, а что считать исчезающим, периферийным или маркированным вариантом и не включать в систему.

В результате исторического развития греческого языка, в частности сосуществования в течение длительного времени значительно отличающихся друг от друга устного и письменного вариантов, в нем сложилась система, характеризующаяся большой вариативностью, что усложняет ее описание и приводит к многочисленным трудностям, возникающим при попытке выделить инвентарь фонем новогреческого языка, независимо от теоретического подхода, выбранного исследователем.

До IV в. до н. э. на территории Греции не существовало ни политического, ни лингвистического единства. В каждом государстве использовался свой собственный диалект. То есть существовали греческие языки (по выражению Швайцера¹ “Griechische Sprachen”) - аттический, аркадский, беотийский и др., но не было греческого языка. Можно также говорить о существовании нескольких языков литературы, использование которых определялось жанром, а не диалектальной принадлежностью автора.

В последней трети пятого века рост политической силы и возрастающий престиж Афин привели к распространению аттического диалекта и употреблению его как средства общения между различными частями греческого мира². По мере того как империя росла и основывались новые колонии, Аттический диалект стал языком общения между разными городами-государствами и родным языком новых греческих поданных. Разумеется, в подобных условиях язык не мог не претерпеть значительные изменения³. Новый

«расширенный аттический диалект», значительно отличающийся от собственно языка жителей Аттики и использовался в IV веке в большей части Греции и стал языком литературной прозы.

Этот язык был объявлен Филиппом Македонским языком македонской дипломатии и администрации, а впоследствии стал языком общения в городах, завоеванных Александром Македонским. Так измененный аттический диалект, называемый «ἡ κοινὴ διάλεκτος» («общий диалект») или койне стал языком греческого населения Египта, Сирии, Малой Азии, Месопотамии и средством коммуникации между новыми греческими городами.

В самой Греции койне становится языком администрации и начинает быстро вытеснять античные диалекты.

Появление койне, несомненно, стало ответом на быстрое изменение нового восточного мира, в результате которого греческий язык стал языком культуры, а в некоторых случаях и родным языком людей, живущих на очень большой территории. Кроме того, как справедливо отмечает Швайцер⁴, появление общегреческого языка безусловно связано с образованием общегреческого государства (Nationalität).

Параллельно с формированием и развитием койне, в греческом мире начинает распространяться движение, получившее название «аттицизм» и оказавшее значительное влияние на развитие греческого языка не только в период эллинизма, но и на протяжении всего времени существования Византийской империи.

Во II-I вв. до н.э. греческое языковое сообщество было как никогда близко к единству. Однако к концу I века до н.э. учителя грамматики и риторики создают новое представление о том, что язык не должен изменяться, поскольку любое изменение говорит об упадке, и что единственный «правильный» греческий язык – это язык классических аттических писателей, а употребление койне, и как разговорного языка, и как языка литературных произведений, свидетельствует о невежестве. В течение последующих двух веков это движение приобрело силу и стало определять характер преподавания греческого языка в школах, а также оказало значительное влияние на литературу, результатом чего стало стремление к копированию античных образцов и классического языка и отказ от употребления живого языка.

Возросший престиж аттического диалекта привел к сознательному уменьшению взаимовлияния между двумя существующими стандартами. Если письменный язык оказывал значительное влияние в официальных ситуациях на разговорный, причем носители языка осознавали это, противоположное влияние, напротив, было неосознанным и очень слабым. Таким образом, в Греции изначально сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как диглоссию, т.е. существование разговорного и письменного языков, которые развивались независимо друг от друга (конечно, если не считать естественного и неизбежного взаимовлияния)⁵.

Под влиянием аттицизма оказалась вся проза I века н.э. Таким образом, говоря о языковой ситуации в Греции периода Эллинизма и Римской империи можно говорить о параллельном существовании нескольких языковых стандартов.

В VI-VII в. на Балканах происходят значительные изменения, связанные с появлением арабов на востоке (в 674 году арабы осаждают Константинополь), а также славян на севере. В результате административных изменений города потеряли свою независимость, а многие из них превратились в деревни. Уменьшилось количество школ, и, как следствие, резко снизился уровень образования. Видимо, с этим связано и то, что практически не найдено папирусов или надписей, относящихся к этому периоду.

Начиная с конца XI века Византия постоянно подвергается набегам турок, а в 1204 Константинополь завоевывают крестоносцы, что приводит к разделу Византийской империи и переходе ряда греческих земель во владение итальянцев. В результате этого значительно понизился престиж литературного языка. Хотя еще оставались сторонники того, что письменный язык не должен меняться, народный язык все больше проникает в литературу, и в XIII-XIV вв. появляются многочисленные произведения, язык которых приближается к разговорному греческому языку этой эпохи. Однако большая часть этих произведений являлись своего рода стилистическими экспериментами образованных авторов, стремящихся найти новые выразительные средства для развлекательной литературы. Серьезные произведения все еще создавались на архаизованном языке.

В поздние средние века и в период турецкого завоевания в разных частях греческого мира начинают складываться новые литературные языки, в основе

которых лежали местные диалекты. Однако греческая аристократия, а также церковь продолжали использовать традиционный письменный язык. В конце XVIII века под влиянием политической ситуации Греция вступает в более тесные контакты с Европой. Все больше произведений переводится или создается на греческом языке, что, конечно, ставит вопрос о создании греческого литературного языка.

С конца XVIII – начала XIX века среди греческих просветителей начинаются споры о том, какой язык должен стать языком образования. С начала XIX века все большую поддержку начинает приобретать решение, предложенное А. Кораисом. Кораис предложил использовать народный язык, который, однако, необходимо «облагородить», главным образом, в области морфологии. Теория Кораиса быстро нашла многочисленных сторонников, благодаря тому, что предложенный им язык имел понятную лексику и простую грамматику. «Исправленный» народный язык получил название «кафаревуса» и стал официальным языком Греческого Государства. Споры о создании литературного языка продолжались в течение всего XIX и XX века. В 1917 году правительство Э.Венизелоса издало постановление об использовании димотики в школах – изучение кафаревусы предписывалось только в двух старших классах. В то же время популярна была и идея о том, что использование разговорного языка приводит к утрате духовной традиции и лишает греческий народ античного наследия.

В XX веке споры об использовании кафаревусы или димотики приобрели политическую окраску. В 1974 году после падения хунты использование кафаревусы стало связываться с режимом диктатуры, и вскоре димотика была объявлена государственным языком Греции.

Распространение греческого языка на большой территории в период эллинизма привело к значительным изменениям на самых разных уровнях. Уже говорилось о большом количестве заимствований, неизбежном при столь значительных политических преобразованиях. В морфологии можно говорить о тенденции к аналитизму – вместо сложных форм перфекта прошедшее время теперь образуется с помощью глаголов «быть» или «иметь», кроме того, из системы наклонений исчезает конъюнктив. В именном склонении можно говорить о стремлении к унификации парадигмы и ограничении употребления дательного падежа. Изменениям подвергаются и формы артикля⁶. Надо сказать,

однако, что под влиянием аттицизма и старые формы продолжают употребляться в литературе вплоть до XIX века, многие из них нашли свое отражение в кафаревусе. Таким образом, можно говорить о том, что полная морфологическая перестройка в этот период произошла только в народном языке, а изменение морфологической структуры письменного языка шло медленнее и завершилось намного позже.

В то же время, фонологические изменения, произошедшие в греческом языке в этот период, затронули все разновидности языка, оставшись незамеченными для самих носителей греческого языка. Среди основных фонологических изменений можно назвать утрату противопоставления гласных по количеству, изменение характера ударения, монофтонгизацию дифтонгов, изменение качества некоторых гласных, упрощение геминат, переход смычных звонких и глухих аспирированных согласных в соответствующие щелевые ([b,d,g] > [v, δ, γ], [p^h, t^h, k^h] > [f, θ, x]) и др. Надо сказать, что сформировавшаяся в период койне фонологическая система практически без изменений сохранилась в новогреческом языке.

1. Вокализм новогреческого языка.

В списках фонем новогреческого языка, предлагаемых различными авторами, можно выделить ряд «безусловных» фонем, самостоятельность которых ни у кого не вызывает сомнений, а также ряд «спорных» фонем, которые некоторые авторы считают самостоятельными, а некоторые – аллофонами других фонем.

Меньше всего споров обычно вызывает система гласных новогреческого языка. В отличие от большинства балканских языков в греческом языке нет центрального гласного, как например, в болгарском или в албанском. Таким образом, система состоит из 5 «чистых» гласных:

i	u
e	o
a	

Можно отметить, что в греческом языке существует оппозиции гласных по подъему, а также по ряду (или лабиализации). Подобную систему некоторые авторы (например, Шаллер⁷) предлагали считать одним из балканизмов, однако,

среди балканских языков она представлена только в греческом и в македонском языках⁸.

Разумеется, речь идет о нормативном греческом языке, которым принято считать язык образованного населения Афин. Вокалические системы греческих диалектов могут значительно отличаться от нормы. Так, например, в северно-греческих диалектах оппозиции /e/ - /i/ и /o/ - /u/ сохраняются только в ударной позиции. Традиционно считается, что в стандартном греческом языке и в позиции под ударением и в позиции без ударения противопоставлен один и тот же набор гласных.

Кроме того, в греческом языке возможно сочетание нескольких гласных, например αθώς [a'θoos] («невинный»), αόρατος [a'oratos] («невидимый»). Об особенности реализаций сочетаний с гласными переднего ряда будет сказано ниже, здесь же надо отметить, что высокая частность сочетаний нескольких гласных также иногда включается в число фонетических балканизмов.

В некоторых описаниях говорится также о новогреческих дифтонгах. Как уже говорилось выше, древнегреческие дифтонги [ei], [ai] и др. монофтонгизировались в период эллинизма. В новогреческом языке Сетатос⁹ в одной из наиболее известных работ по фонологии греческого языка выделяет два нисходящих (/oi/, /ai/) и пять восходящих дифтонгов (/ii/, /ie/, /io/, /iu/, /ia/). Холтон, Мэкридж и Филиппаки-Варбуртон¹⁰ выделяют также дифтонги /iw/ (σκιουράκι [skiwr'aki] – «белочка») и /aw/ (φράουλα [fr'awla] – «клубника»), оговаривая, что дифтонгизация является факультативной. Надо отметить, однако, что через все эти дифтонги может проходить морфологическая граница, например, τρώει [tr'o # i] («ест»), διετής [ði # et'is] («двухлетний») и т.д., то есть говорить о фонетических дифтонгах в новогреческом языке нельзя.

3. Консонантизм новогреческого языка.

Значительно больше споров вызывает инвентарь согласных фонем греческого языка. Практически ни у кого не возникает сомнений фонематическая самостоятельность /p/, /t/, /k/, /r/, /l/, /m/, /n/, /v/, /s/, /z/, /x/, /ɣ/, /θ/ и /ð/ (наличие последних в албанском языке, а также в албанских и греческих заимствованиях в румынском языке, позволяет некоторым исследователям считать эти согласные фонетическими балканизмами).

В то же время существует ряд согласных, которые на протяжении последних двадцати лет вызывают непрекращающиеся споры среди исследователей фонологии новогреческого языка.

Прежде всего, это звонкие смычные согласные /b/, /d/, /g/. Как уже говорилось выше, в койне произошел переход звонких смычных согласных в щелевые. В то же время или чуть позже в сочетаниях носовой+смычный согласный начинают происходить ассимиляционные процессы, в результате которых в этих сочетаниях реализуются звонкие смычные согласные ([nt] > [nd] и т.д.). Появлению звонких смычных способствовали впоследствии и многочисленные заимствования из турецкого, а затем из европейских языков: μπαμπάς [bab'as] «папа» < тур. baba, ντουλάπι [dul'api] «шкаф» < тур. dolar и т.д.

В современном греческом языке в начале слова сочетание NT всегда произносится как звонкий смычный согласный, в то же время в середине слова возможно значительное варьирование. По данным Дзиваки¹¹, исследовавшей произношение подобных сочетаний при чтении художественного текста и в новостях, звонкий смычный после носового согласного был реализован дикторами во всех случаях на морфологической границе. Глухой смычный был реализован на границе между артиклем и следующим словом в таких словах, как τον πρόεδρο [ton#pr'oeðro] («президента»), τον πρωθυπουργό [ton#proθipury'ɔ] («премьер-министра»), а также в частотных словах, если они употреблялись как политические или экономические термины (την τιμή [tin#tim'i] «цену») и в иностранных топонимах. Интересно, что при этом в греческих топонимах ассимиляция по звонкости была в 100% случаев¹². Надо отметить также, что в некоторых случаях реализуется только глухой смычный, например, на границе между глаголом и существительным или наречием (τρέχουν πολύ [tr'exun pol'i] – «<они> много бегают»), а также между прилагательным и существительным (ηρωικών πράξεων [i'roik'on pr'akseon] – «героических поступков»), т.е. ассимиляция происходит только внутри фонетического слова.¹³

Подобная вариативность ставит вопрос о самостоятельности звонких смычных в греческом языке. Сетатос выделяет их как самостоятельные фонемы, в то же время Холтон, Мэкридж и Филиппаки-Варбуртон считают их аллофонами соответствующих глухих смычных в позиции после носового согласного.¹⁴ По их мнению, звонкие смычные согласные можно рассматривать

как сочетание носовой+глухой смычный даже в тех случаях, когда носовой согласный не реализуется (например, в начале слова). Хотя можно говорить о существовании минимальных пар, например $\mu\acute{o}\tau\alpha$ [b'ota] «сапог» – $\rho\acute{o}\tau\epsilon$ [p'ote] «когда»), важно, как отмечает И. Каппа¹⁵, что в начале слова нет оппозиции звонкий смычный – носовой + смычный, а в середине слова в той же позиции могут появляться назализация или носовой согласный: $\nu\tau\omicron\mu\acute{\alpha}\tau\alpha$ [dom'ata] («помидор»), но η $\nu\tau\omicron\mu\acute{\alpha}\tau\alpha$ [i^hdom'ata] (с определенным артиклем). В то же время существует значительное число заимствованных слов, в которых реализуется только звонкий смычный: $\rho\omicron\mu\acute{\rho}\omicron\tau$ [rob'ot] «робот», $\kappa\alpha\mu\acute{\iota}\nu\alpha$ [kab'ina] «кабина». Отсутствие носового согласного в середине слова может быть связано с социолингвистическими факторами, возрастом и уровнем образования говорящего, стилем речи. Надо сказать также, что в ряде заимствованных слов, особенно в речи образованных людей, сочетание m+r, напротив, не переходит в (m)b: $\sigma\alpha\mu\pi\acute{\lambda}\alpha\nu\alpha$ [samp'anja] («шампанское»), $\kappa\omicron\mu\pi\upsilon\omicron\upsilon\tau\epsilon\rho$ [kompj'uter] («компьютер»)¹⁶. Анализируя различные случаи свободного варьирования [b, d, g] и [mb, nd, ng], И. Каппа приходит к выводу, что фонем /b/, /d/, /g/ в новогреческом языке нет, а есть фонетическая реализация сочетаний /mp/, /nt/, /nk/. За фонематическую самостоятельность звонких смычных согласных кроме Сетатоса высказывались также Куцудас и Хаусхолдер, а против – Хэмп, Маликути, Ньютон, Дзиваки и Пагони¹⁷. Видимо, в данном случае мы имеем дело с системой *in statu nascendi*, поскольку процессы, приведшие к появлению звонких смычных в начале слова продолжают действовать до сих пор, с другой стороны можно говорить о тенденции сохранять фонетический облик заимствованных слов, а также ориентации на орфографию в официальных ситуациях.

Не меньше споров вызывает и фонологический статус /j/. Прежде всего [j] выступает как палатализованный вариант щелевого /γ/ и противопоставлен ему на основании минимальных пар: $\gamma\acute{\alpha}\tau\acute{\iota}$ [γat'i] («котенок») - $\gamma\acute{\iota}\alpha\tau\acute{\iota}$ [jat'i] («почему») и т.д. В то же время, Ньютон и Варбуртон рассматривают /j/ как фонетическую реализацию сочетания фонем /γi/: $\Gamma\acute{\iota}\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$ /γi'anis/ > /γ'i'anis/ > /ji'anis/ > /jj'anis/ > [j'anis] («Яннис»).

С другой стороны [j] иногда реализуется в сочетаниях согласный + i + гласный. Еще Сетатос¹⁸ отмечал, что подобные сочетания могут реализоваться и как палатализованный согласный + гласный ($\chi\acute{\iota}\omicron\nu\iota$ [ç'oni] – «снег»), и как

согласный + /j/ + гласный (καινούριος [ken'urjos] – «новый»), и как согласный + /i/ + гласный (μία [m'ia] – «одна»). Как отмечал и сам Сетатос, выбор между этими вариантами тесно связан с происхождением слова, его стилистической окраской. Кроме того, в некоторых случаях оно имеет смысловозначительную функцию: άδεια ['aðia] – «разрешение», [ʼaðja] – «пустая», όπιο ['opio] «опиум» – όπιο [ʼopjo] «которого», причем в последнем случае сочетание [pj] часто реализуется как [ʼopʰo]. Также по-разному могут произноситься слова с сочетанием iV в начале слова (что может отражаться и в орфографии): ιατρός [iatr'os], γιατρός [jatr'os] («врач»). В целом, можно говорить о том, что в словах, относящихся к димотике, обычно произносится [j], а в словах, принадлежащих кафаревусе – [i]. Поэтому, по мнению И. Каппы¹⁹, если считать новогреческий язык одним языком со смешанной формой (смешанной не только в том, что касается словаря, но и в фонологии и в морфологии), /j/ надо рассматривать как отдельную фонему. Если же считать новогреческий язык смесью двух одновременно существующих субсистем (димотика и кафаревуса), [j] надо рассматривать как аллофон /i/ перед гласными, не реализуемым в словах, маркированных как принадлежащие к кафаревусе.

Возникает также вопрос, как трактовать палатализованные согласные (и в том числе [ɣ] и [j]). Наличие таких минимальных пар, как χιόνι [ç'oni] («снег») – χωνεύω [xon'evo] («переваривать»), κοιλιά [kil'a] («живот») – κιλά [kil'a] («килограммы») и т.д. позволяет предположить возможность фонологической оппозиции по признаку палатализованности. В то же время, как уже отмечалось выше, подобные реализации ограничены стилистически и встречаются не у всех носителей греческого языка, главным образом в димотике.

Третьей проблемой фонологии новогреческого языка является вопрос о фонематической самостоятельности аффрикат [ts] и [dz]. Эти аффрикаты встречаются в греческом языке в основном в турецких заимствованиях, а также в незначительном количестве звукоподражаний. Сетатос и Ньютон предлагают рассматривать их как сочетания двух фонем, причем Ньютон считает [dz] реализацией трех фонем /n/+/t/+/s/. В пользу того, что эти сочетания являются фонемами, по мнению И. Каппы²⁰, говорят, например, слова с редупликацией τσιτσιρίζω [tsitsir'izo] («шипеть»), τζιτζικας [dzidz'ikas] («цикада»), в которых, в отличие от других слов с удвоением первого слога, повторяется не первый согласный, а вся аффриката. С другой стороны, приведенные слова являются

звукоподражаниями и могут быть поставлены в один ряд с такими словами как ψίψίνα [psips'ina] («киска»). В пользу фонематической самостоятельности аффрикат [ts] и [tz] говорит также тот факт, что в стандартном греческом языке через эти сочетания никогда не проходит морфологическая граница.

Сложности возникают и при попытке выделить допустимые консонантные сочетания. В среднегреческом языке консонантные сочетания со смычными [pt, kt] и щелевыми [xθ, fθ], согласными подвергаются ряду изменений, а именно диссимилиации по способу образования. В результате этих изменений [kt] и [xθ] перешли в [xt], [pt] и [fθ] - в [ft]. Так, в новогреческом языке мы имеем χτίζω [xt'izo] (< κτίζω [kt'idzo:] «строить», φτερό [fter'o] (< πτερόν [pter'on]) «крыло», и т.д.. Надо сказать, что сочетания [kt], [pt], [fθ], [xθ] тем не менее не являются запрещенными в современном греческом языке. Поскольку в основе кафаревусы лежал древнегреческий язык, в словах, введенных в греческий язык из кафаревусы, сохранились именно эти сочетания: так, рядом со χτίζω [xt'izo] «строить» существует κτίση [kt'isi] «основание», рядом с φτερό [fter'o] «крыло» – πτέρωμα [pt'eroma] «перо». Кроме того, многие слова могут употребляться в двух формах φθάνω [fθ'ano] – φτάνω [ft'ano] «прибывать», χθες [xθes] – χτες [xtes] «вчера» и т.д. Причем первые осознаются носителями языка как более правильные, поэтому в официальной ситуации чаще сознательно употребляются «древнегреческие» варианты. В то же время в спонтанной речи происходит обратное - «новогреческие» сочетания употребляются и в тех словах, которые появились в греческом языке после того периода, которым традиционно датируются эти диссимилиации²¹. В некоторых сочетаниях, однако, сочетания [pt, kt] никогда не переходят в [ft, xt], например, после [r] и [l] (Αρκτική [arktik'i] - [*arxtiki] «Арктика»). С. Пагони²², исследовавшая эти сочетания с точки зрения фонологии управления, отмечает и ряд других особенностей, присущих только этим сочетаниям и выделяющих их из других сочетаний согласных: ограничения в дистрибуции, озвончение в сочетании с носовым согласным обоих согласных ([*mpt] → [mbd]) и т.д.

Г. Микрос и др., исследовавшие частотность разных типов сочетаний согласных в греческом языке, пришли к выводу, что число лексем, допускающих вариативность внутри морфемы, относительно невелико, по сравнению с лексемами, за которыми постоянно закреплен тот или иной тип. В то же время, на морфемном шве, особенно в глаголах в форме пассивного

аориста, вариативность достаточно велика²³. Кроме того, по их данным во всех случаях отмечается преобладание типов с диссимилиацией. Исключение составляют аффиксы, в которых чаще встречаются варианты без диссимилиации.

Кроме того, важно отметить, что по данным Г. Микроса и др. на уровне синхронии слова с сочетаниями без диссимилиации ([xθ, fθ, pt, kt]) принадлежат не только к письменной традиции (например, φθινόπωρο [fθin'oporo] «осень», περίπτερο [per'iptero] «киоск» и др.) и носители языка не связывают больше характер реализованного консонантного сочетания с происхождением слова²⁴. Кроме того, эти слова усваиваются детьми еще до того, как они овладевают кафаревусой.

По мнению И. Варбуртон²⁵, поскольку в данном случае формы с диссимилиацией не противоречат кафаревусе, в то время как «новые» формы с диссимилиацией противоречат димотики, можно говорить о снятии в димотики запрета на сочетания [pt, kt, fθ, xθ], а говорить о стилистически маркированных лексически закрепленных вариантах. В то же время последовательное различие димотики и кафаревусы проводится в глагольных окончаниях в форме пассивного аориста – δημοσιεύθηκε [dimosj'efθike] – δημοσιεύτηκε [dimosj'eftike] «был (а, о) опубликован (а, о)», а также в аффиксах.

4. Заключение.

Таким образом, если бы можно было разделить фонологические системы кафаревусы и димотики, система фонем димотики, сложившаяся в ходе естественного развития народного языка, включала бы звонкие смычные согласные, фонему /j/, аффрикаты /ts/ и /dz/ и не допускала сочетания смычных и щелевых согласных /*pt, kt, fθ, xθ/. Кроме того, можно говорить о становлении фонематической оппозиции согласных по мягкости – твердости. Напротив, в кафаревусе, находящейся под значительным влиянием письменной нормы, [b], [d], [g], [j] существовали бы на уровне аллофонов, а диссимилиация в сочетаниях согласных не происходила бы.

Сложность, однако, состоит в том, что такое разделение невозможно и в сознании носителя языка обе системы не разделяются. Вряд ли можно говорить и о строгом стилистическом различии между двумя этими системами. Уже говорилось о словах, принадлежащих к повседневной лексике и в то же время имеющих «кафаревусную» форму. И, наоборот, в речи многие слова, формально

относящиеся к кафаревусе оформляются по правилам димотики (например, с диссимиляцией консонантных сочетаний). То есть с одной стороны, можно говорить о «победе» димотики над кафаревусой, поскольку правила и структуры димотики распространяются на исконно «кафаревусную» лексику, которая, таким образом, больше не отличается от лексики димотики²⁶. С другой стороны существует тенденция к сохранению фонетического облика заимствований, даже если он противоречит правилам димотики, а также ориентация на орфографию в официальных ситуациях.

Подобная ситуация схожа с положением, сложившимся в койне период эллинизма, когда в речи одного носителя в течение долгого времени сосуществовали элементы и старой и новой системы. Видимо в современном греческом языке мы так же имеем дело с переходным периодом, который Фрайс и Пайк охарактеризовали следующим образом: «Речь одноязычных носителей некоторых языков состоит из более, чем одной системы фонем; эти системы сосуществует отчасти в гармонии, а отчасти в конфликте. Во время перехода от одной фонемной системы к другой, в течение определенного периода времени обе системы существуют одновременно и находятся в конфликте в речи одного носителя²⁷».

¹ *Schweizer E.* Grammatik der Pergamenischen Inschriften. Beiträge zur Laut- und Flexionslehre der gemeingriechischen Sprache. Berlin 1898. ss. 20

² *Browning R.* Medieval and Modern Greek. Cambridge University Press. 1983. p.20

³ *Frøsen J.* Prolegomena to a study of the Greek language in the first centuries A.D.: the problem of Koine and Atticismus. Helsinki, 1974. pp. 163-164

⁴ *Schwyzler, E.* Griechische Grammatik. Munich. 1939. ss. 20.

⁵ *Frøsen J.* Указ. соч. p. 44.

⁶ *Ανδριώτης Ν.* Ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Θεσσαλονίκη. 1992. σ. 43-51

¹ *Schaller H.W.* Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkan Philologie, Heidelberg 1975.

⁸ *Sawicka I.* The Balkan Sprachbund in the Light of Phonetic Features. Warszawa, 1997.

⁹ *Σετάτος Μ.* Φωνολογία της κοινής Νεοελληνικής. Αθήνα, 1974.

¹⁰ *Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warbuton I.* Greek. A Comprehensive Grammar of the Modern Language. London, 1997. pp. 13.

¹¹ *Τζιβάνη Ε.* Παθήσεις φθόγγων και φωνητικά υφολογικά επίπεδα στη ΝΕ. // Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα. Θεσσαλονίκη, 1985. σσ. 67-77.

¹² Например, одна и та же диктор произносила глухой смычный [tin tr'ipoli], говоря о столице Ливии и [ti dr'ipoli], говоря о городе Триполе на Пелопоннесе.

-
- ¹³ *Pagoni, S.* Greek pt/kt. Government Phonology approach. Diss. submitted to the University of Cambridge. 1993. p.20
- ¹⁴ *Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warbuton I.* Указ. соч. стр. 3-4.
- ¹⁵ *Kappa I.* Silbenphonologie im Deutschen und Neugriechischen. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Geisteswissenschaftlichen Fakultät der Uni. Salzburg, 1995. ss. 116-121.
- ¹⁶ *Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warbuton I.* Указ. соч. стр. 4.
- ¹⁷ *Pagoni-Tetlow S.* Modern Greek prenasalisation? Not according to Government Phonology. // Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα. Θεσσαλονίκη, 1993. σσ. 354-369.
- ¹⁸ *Setatos M.* Phonological Problems of Modern Greek Koine. 1969.
- ¹⁹ *Kappa I.* Указ. соч. s. 123.
- ²⁰ *Kappa I.* Указ. соч. ss. 122-123.
- ²¹ Тем не менее, в некоторых случаях диссимиляция невозможна: πτώση [pt'osi] – [*ft'osi] «падение». (*Pagoni S.* Указ. соч. s. 152)
- ²² *Pagoni S.* Указ. соч. ss. 139-152.
- ²³ *Μικρός Γ., Γαβριηλίδου Μ., Λαμπροπούλου Π., Δούκας Γ.* Χθές ή χτές; Μια ποσοτική μελέτη φωνητικών και μορφολογικών στοιχείων σε κείμενα της Νέας Ελληνικής. //Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα, Θεσσαλονίκη 1996. σ. 645-656.
- ²⁴ *Μικρός Γ., Γαβριηλίδου Μ., Λαμπροπούλου Π., Δούκας Γ.* Указ. соч. с. 646-647.
- ²⁵ *Warbuton I.* Greek Diglossia and Some Aspects of the Phonology of Common Modern Greek. *Journal of Linguistics*, 16. 1980. pp. 50-53.
- ²⁶ *Warbuton I.* Указ. соч. pp. 46-47.
- ²⁷ *Fries, Pike.* Coexistent Phonemic Systems.// *Language*, 25. 1949. pp. 29-50.